

ГЛАВА 22

ДЕЙЗИ И ДЕМИ

Я не могу считать, что исполнила свой долг в качестве скромного историка семейства Марч, если не посвящу хотя бы одну главу двум самым любимым и важным его членам. Дейзи и Деми вступили в тот возраст, когда человек начинает нести ответственность за свои поступки, так как в наш стремительный век дети трех или четырех лет предъявляют свои права и даже добиваются их осуществления, а это куда больше, чем порой удастся сделать многим из тех, кто гораздо старше их. Если были на свете близнецы, которым грозило быть окончательно испорченными всеобщим обожанием, это были младшие Бруки. Разумеется, это были самые замечательные дети из всех когда-либо живших на свете, и это станет очевидно, если я упомяну, что они ходили в восемь месяцев, бегло говорили в двенадцать, а в два года уже сидели за столом и вели себя с благопристойностью, очаровывавшей зрителей. В три года Дейзи потребовала «иглю» и, сделав всего четыре стежка, сшила мешочек; она также занялась ведением кукольного домашнего

хозяйства в шкафу и управлялась с крошечной кухонной плитой с таким мастерством, что на глаза у Ханны наворачивались слезы гордости. Деми учил буквы со своим дедушкой, который изобрел новый способ обучения, при котором буквы изображались с помощью рук и ног, что обеспечивало тренировку одновременно и ума и тела. У мальчика рано проявился талант механика — к восторгу его отца и огорчению матери, так как он пытался воспроизвести каждую машину, которую видел. В детской все время был полнейший беспорядок; здесь находилась «швей-шина» — таинственная конструкция из шнуров, стульев, зажимок для белья и катушек, где колеса должны были «крутиться и крутиться», а также корзинка, повешенная на веревках на спинку стула, в которой он пытался поднять, как на грузоподъемнике, свою слишком доверчивую сестру, которая с беззаветной женской преданностью позволяла ставить себе шишки и синяки, пока ей не приходили на помощь, а юный изобретатель в таких случаях говорил раздраженно:

— Ну, мама, это мой лелеватор, а я пытаюсь ее поднять.

Хотя близнецы были совершенно несхожи по характеру, они замечательно ладили друг с другом и редко ссорились больше трех раз в день. Разумеется, Деми тиранил Дейзи и храбро защищал ее от любого другого агрессора, в то время как Дейзи добровольно сдалась в рабство и обожала брата как единственное совершенное существо в мире. Розовенькой, пухленькой, веселой была эта маленькая Дейзи, находившая

путь к сердцу каждого. Одна из тех обаятельных крошек, которые, кажется, созданы для того, чтобы их целовать и ласкать, наряжаемые и обожаемые, словно маленькие богини, и выставляемые для всеобщего восхищения по всем праздничным случаям. Ее маленькие добродетели были столь чарующими, что она казалась бы ангелом, если бы некоторые мелкие шалости не позволяли ей оставаться восхитительно человеческим существом. В ее мире всегда была хорошая погода, и каждое утро она взбиралась в ночной рубашке на сиденье у окна, чтобы выглянуть и сказать, неважно, шел ли дождь или светило солнце: «Ах, хороший день, хороший день!» Каждый был для нее другом, и она дарила незнакомым ей людям поцелуй так доверчиво, что самый закоренелый холостяк смягчался, а те, кто любил детей, становились ее верными обожателями.

— Я люблю всех, — сказала она однажды, раскрывая объятия с ложкой в одной руке и кружкой в другой, словно желая обнять и накормить весь мир.

По мере того как она подрастала, ее мать начала чувствовать, что «голубятню» благословит присутствие души столь же безмятежной и любящей, как та, что помогала сделать старый дом родным очагом, и молиться, чтобы ее не коснулось горе, подобное тому, которое недавно заставило их понять, как долго они принимали у себя ангела, сами о том не ведая. Дедушка часто называл ее «Бесс», а бабушка следила за ней с неутомимой преданностью, словно пытаясь загладить какую-то ошибку прошлого, которую не видел никто, кроме нее самой.

Деми, как настоящий янки, был любознательного склада, желал знать все и часто причинял немало беспокойства, так как не мог получить удовлетворительных ответов на свое вечное «почему?»; имел он также и философские склонности, к великому восторгу его дедушки, имевшего обыкновение вести с внуком сократовские* беседы, во время которых не по летам мудрый ученик иногда ставил в тупик своего учителя, к нескрываемому удовольствию всех женщин в семье.

— Что заставляет мои ноги ходить, дедушка? — спрашивал юный философ, обозревая с задумчивым видом эти резвые части своего тела, когда отдыхал однажды вечером после веселой возни с укладыванием в постель.

— Твоя маленькая душа, Деми, — отвечал мудрец, с почтением поглаживая светловолосую голову.

— Что такое маленькая душа?

— Это то, что заставляет двигаться твое тело, как пружинка заставляет двигаться колесики в моих часах; помнишь, я показывал?

— Открой меня. Я хочу посмотреть, как оно крутится.

— Я не могу этого сделать, как ты не мог бы открыть часы. Бог заводит тебя, и ты ходишь, пока Он тебя не остановит.

— Правда? — И карие глаза Деми стали большими и блестящими, когда он постиг эту новую мысль. — И меня заводят, как часы?

— Да, но я не могу показать тебе как, потому что это происходит, когда мы не видим.

* Сократ (470–399 до н. э.) — древнегреческий философ.

Деми пощупал свою спину, словно ожидая обнаружить сходство с крышкой часов, и затем серьезно заметил:

— Наверное, Бог делает это, когда я сплю.

Последовали подробные объяснения, которые он слушал так внимательно, что встревоженная бабушка сказала:

— Дорогой мой, ты думаешь, что это разумно — говорить о таких вещах с ребенком? Он только делает складки на лбу и учится задавать вопросы, на которые невозможно ответить.

— Если он достаточно большой, чтобы задать вопрос, он достаточно большой и для того, чтобы получить правдивый ответ. Я не вкладываю мысли ему в голову, я только помогаю проявиться тем, которые там есть. Эти дети умнее нас, и я не сомневаюсь, что мальчик понимает все до последнего слова из моих речей. Ну-ка, Деми, а скажи мне, где твоя душа?

Если бы мальчик ответил как Алкивиад*: «Клянусь богами, Сократ, я не могу сказать», его дедушка, вероятно, не удивился бы; но, когда, постояв немного на одной ноге, как задумчивый аист, он ответил спокойно и убежденно: «В животе», дедушка мог лишь присоединиться к бабушкиному смеху и закончить урок метафизики.

Здесь могла бы быть причина для материнского беспокойства, если бы Деми не давал убедительных

* Алкивиад (451–404 до н. э.) — греческий полководец и политический деятель.

подтверждений тому, что он не только многообещающий философ, но и обыкновенный мальчик. Очень часто, после очередной глубокомысленной дискуссии, заставлявшей Ханну пророчествовать со зловещими кивками: «Этот ребенок не жилец на этом свете», он вдруг поворачивался кругом и успокаивал все ее страхи одной из тех выходок, какими милые, озорные, непослушные маленькие негодники огорчают и восхищают родительские сердца.

Мег устанавливала для себя много нравственных правил и старалась соблюдать их, но когда и какая мать могла устоять против обезоруживающих хитростей, изобретательных уверток или спокойной дерзости мужчин и женщин в миниатюре, которые так рано проявляют себя законченными Ловкими Плутами?*

— Хватит изюма, Деми, а то затошнит, — говорит мама молодому человеку, который предлагает свою помощь в кухне с непогрешимой регулярностью в дни, когда делают плам-пудинг.

— Я люблю, когда тошнит.

— А я не хочу, чтобы тебя тошнило. Беги, помоги Дейзи делать пирожки.

Он неохотно удаляется, но нанесенные обиды камнем лежат на сердце, и, как только представляется возможность получить возмещение ущерба, он ловко обходит маму в расчетливой сделке.

— Ну вот, вы хорошо себя вели, и я поиграю с вами во что хотите, — говорит Мег, ведя своих

* Ловкий Плут — прозвище вора-карманника, персонажа романа Ч. Диккенса «Оливер Твист».

помощников наверх, когда пудинг благополучно булькает в кастрюльке.

— Честно, мам? — спрашивает Деми, располагая блестящей идеей в своей изрядно напудренной мукой голове.

— Да, честно; все, что скажете, — отвечает недальновидная родительница, готовясь пропеть полдюжины раз подряд песенку о трех котятках или взять свое семейство «Купить булочку за пенни»*. Но Деми загоняет ее в угол спокойным ответом:

— Тогда мы пойдем и съедим весь изюм.

Тетя Додо была главным товарищем игр и наперсницей обоих детей, и это трио переворачивало весь дом вверх дном. Тетю Эми они до сих пор знали только по имени, тетя Бесс скоро превратилась в приятное, но смутное воспоминание, но тетя Додо была живой реальностью, и они использовали ее целиком и полностью, что она рассматривала как комплимент и была глубоко благодарна. Но когда приехал мистер Баэр, Джо совсем забыла друзей по играм, и ужас и скорбь наполнили их маленькие души. Дейзи, торговавшая вразнос поцелуями, потеряла лучшего покупателя и обанкротилась; Деми с детской пронизательностью скоро заметил, что Додо любит играть с «медведем» больше, чем с ним; но, хотя и обиженный, он скрыл свое душевное страдание, поскольку не решался оскорбить соперника, имевшего залежи шоколадного драже в кармане жилета и часы, которые можно было вынимать из футляра и трясти сколько угодно.

* Английская детская игра.

Некоторые могли бы расценить эти приятные привилегии как взятку, но Деми смотрел на это иначе и продолжал покровительствовать «медведю» с обдуманной любезностью, в то время как Дейзи пожаловала его своими маленькими нежными чувствами по третьему зову и стала рассматривать его плечо как свой трон, его руку как прибежище, его дары как сокровища непревзойденной ценности.

У джентльменов иногда бывают неожиданные приступы восхищения юными родственниками дам, которых они удостаивают своим вниманием; но эта фальшивая чадолюбивость тяготит их самих и никого ни в малейшей степени не обманывает. Нежная любовь мистера Баэра была искренней и столь же действенной — ибо честность лучшая политика в любви, как и в суде; он был из тех людей, которые свободно чувствуют себя с детьми, и выглядел особенно хорошо, когда их маленькие личики составляли приятный контраст с его мужественным лицом. Его дела, какими бы они ни были, удерживали его в городе день за днем, но редкий вечер проходил без того, чтобы он не заглянул к Марчам, — спрашивал он обычно мистера Марча, так что я полагаю, именно глава семьи привлекал его. И замечательный папа был в заблуждении, что так оно и есть, и наслаждался долгими дискуссиями с родственной душой, пока случайно оброненное его более наблюдательным внуком замечание не открыло ему глаза.

Однажды пришедший в гости мистер Баэр остановился на пороге кабинета, пораженный представившейся его глазам картиной. На полу лежал мистер

Марч, задрал свои почтенные ноги, а рядом с ним, также распротертый на полу, был Деми, пытавшийся подражать дедушке своими короткими, в красных чулках, ножками; лежащие были столь увлечены, что не замечали зрителей, пока мистер Баэр не расхохотался своим звучным смехом, а Джо выкрикнула с возмущенным лицом:

— Папа, папа, профессор здесь!

Черные ноги опустились, поднялась седая голова, и наставник сказал с невозмутимым достоинством:

— Добрый вечер, мистер Баэр. Прошу вас, подождите минутку; мы как раз кончаем наш урок. Теперь, Деми, сделай букву и назови ее.

— Я знаю ее! — И после нескольких судорожных усилий красные ножки приняли форму пары циркулей и сообразительный ученик с торжеством закричал: — Это буква W, дедушка, буква W!

— Прирожденный Уэллер!* — засмеялась Джо, когда ее родитель встал на ноги, а ее племянник попытался встать на голову в качестве единственного способа выразить удовлетворение, что урок окончен.

— Что ты делал сегодня, *bübchen*?** — спросил мистер Баэр, поднимая гимнаста.

— Я ходил в гости к маленькой Мэри.

— И что ты там делал?

— Я поцеловал ее, — сказал Деми с безыскусной прямоотой.

* Сэм Уэллер — герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

** Мальчуган, малыш (нем.).

— Фу! Ты рано начинаешь. И что сказала на это маленькая Мэри? — спросил мистер Баэр, продолжая исповедовать юного грешника, который стоял у него на колене, обследуя заветный карман его жилета.

— О, ей понравилось, и она поцеловала меня, и мне понравилось. Разве маленькие мальчики не любят маленьких девочек? — добавил Деми, набив рот и с любезным видом.

— Милый цыпленок! Как тебе это пришло в голову? — спросила Джо, выслушав эти невинные признания с не меньшим, чем профессор, удовольствием.

— Не в голову, а в рот, — ответил Деми, высовывая язык с шоколадной конфетой и полагая, что она намекает на сладости, а не на мысли.

— Ты должен был оставить немного для твоей маленькой подруги. — И мистер Баэр предложил несколько конфет Джо со взглядом, заставившим ее задуматься, не является ли шоколад тем самым нектаром, что пьют боги. Деми также заметил улыбку и спросил простодушно:

— Большие мальчики тоже любят больших девочек, фесор?

Как юный Вашингтон*, мистер Баэр «не мог солгать» и поэтому дал несколько туманный ответ,

* Джордж Вашингтон (1732–1799) — один из руководителей борьбы за независимость английских колоний в Северной Америке, первый президент США. Согласно популярному преданию, будучи еще мальчиком, он случайно срубил дерево в саду своего отца, а затем честно признался в проступке, сказав, что «не может солгать».

сводившийся к тому, что, по его мнению, это иногда случается. При этом тон у него был настолько странный, что мистер Марч отложил одежную щетку, взглянул на смущенное лицо Джо и опустился в кресло с таким видом, словно «милый цыпленок» навел его на мысль одновременно сладкую и горькую, которая сама не пришла бы ему в голову.

Почему Додо, когда она поймала его в буфетной полчаса спустя, чуть не задушила в нежных объятиях вместо того, чтобы хорошенько встряхнуть за то, что он оказался там, где ему быть не положено, и почему она вслед за этим необычным поступком еще и неожиданно вручила ему большой кусок хлеба с вареньем, осталось одним из вопросов, над которыми Деми ломал голову и которые был вынужден оставить неразрешенными навсегда.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

